

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

ОЧАРОВАННЫЙ РОДНОЙ ЗЕМЛЁЙ

1. Пасечник

Если выбрать одно из этих определений и приложить его к пасечнику Тихону Васильевичу Лукину, то можно сказать: он – чаровник, очарователь пчелиных сердец. Когда я впервые встретил этого человека, он, глянув на меня через прищур умудрённых глаз, неожиданно сказал:

– Прочитал я вашу поэму в прозе “Медвяный звон” и подумал о том, что русский дух, о котором писал ещё Пушкин, распределён по нашей земле неравномерно – он сосредоточен на лоскутках пасек.

Можно понять профессиональное радение мастера по улейному делу и добавить лишь то, что аура русского духа сгущена вокруг каждого создателя родного края. Одарённая ветвь славянских народов озарила мир величайшими умами, как в области культуры, так и в сфере науки и великих изобретений. Их имена золотыми буквами вписаны в скрижали достояния человечества. Но в нашей национальной скарбнице южно-приграничного округа земли русской не счесть неведомых имён, самоотверженно отдавших все свои силы на благо нашей общезительности. У них уже разворот плеча, но та же высота национального духа, та же гордость за свою славную Родину. Та же общая, неуёмная боль за её неустроенность. Я бы назвал их Подвижниками Отечества.

Как-то рано по весне Вера Петровна – жена пасечника Тихона Васильевича Лукина – вышла вскопать грядку, да лопата что-то начала чиркать по железу... Нагнулась – подняла стреляную гильзу... И так второй поклон, третий, а как дошла до края огорода, собрала подол пустых чиркалок...

Историческая, легендарная земля!

Здесь в огненный зной лета 1943 года шли в атаку правым флангом Прохоровского поля танки Воронежского фронта под командованием выдающегося полководца Николая Фёдоровича Ватутина.

ШАПОВАЛОВ Владислав Мефодьевич родился в 1925 году на Белгородчине. Семнадцатилетним, в 1943 году, ушел на фронт. Тяжело ранен в бою. Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью “За отвагу” и др. В конце войны ему было присвоено офицерское звание — младший лейтенант. Окончил Днепропетровский государственный университет и тридцать лет учительствовал, был директором школы. За плечами автора более двадцати книг прозы. Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле”. Живёт в Белгороде.

А летом начала пропалывать посев — опять собрала подол. Так из года в год накопилась горькая горушка человеческой беды, и её усердный супружник для интересу сосчитал их: аж под две тысячи!

Заглянул как-то в поднимающееся хозяйство Евгений Степанович Савченко, белгородский губернатор, и посоветовал зловещую находку отправить в музей, а усадьбу взял себе на замету приметливым глазом.

Отвезли — и участок освободился от войны, а земля вернула исконное плодородие. В Прохоровском мемориальном комплексе появился фамильный экспонат пасечника.

Два патрона — вражий и наш — острём пуль, уцеленных друг в друга, начинённых не порохом, а землей, замешанной на крови Танкового поля, Тихон Васильевич передал мне в качестве страшного сувенира на полированной подножке с увесистым осколком в смирительной, на вечность, рубашке из чёрного лака. Чтоб напоминал мои окопные тяготы...

А всё началось более двадцати лет назад. Пятнадцать советских соток не отвечали задуманному Лукиным, и в 1991 году, когда появилась возможность получить землю в собственность, ему достались по наследству от родителей два пая земли и один — от дядюшки Дениса. А по выходе закона о фермерстве Тихон Васильевич в расцвете сил в свои сорок лет выписался из городских удобств — газовой плиты, горячей воды, тёплого клозета, — взяв свою семью с двумя несовершеннолетними детьми и посадил роем в палатки на скосе пустынного лога, рядом с хутором Засечным. И когда губернатор объявил программу “Родовые усадьбы”, благодаря которой земля закреплялась навечно, без права продажи, а с передачей по наследству, зарегистрировал своё имение под названием “Журавка” и таким образом вошёл в первую волну фермеров.

Вспоминает его дочь Надюша:

— Это место, куда привёз нас отец (ей было тогда 14 лет), показалось нам жутковатым. Американские клёны внутри хат, меж остатками стен, полузасыпанные ямы погребов, заросшие бурьяном пустыри...

Когда-то здесь процветал большой хутор на 58 дворов с 312 насельниками. Жили ладно, одной семьёй. Громадой выходили по очереди друг другу вальковать глинобитные хаты под соломенную стреху, вместе справляли праздники, сообща трудились, никто не отлынивал — зазорно было не выйти в поле.

— В первую весну, — продолжает Надюша, — мы всей семьёй торопились вырубить загущенный кустарник, пока не зацвёл. Отец считал грехом рубить живые цветы. Одичалый малинник, загрубелый тёрн царапал руки, мёрзлы ноги. Невольно приходила мысль: “Куда ты завёз нас, отец?..” И всё же наша четвёрка (мама и старше меня на два года брат Володя) упорно пробивала себе путь в будущее. Отец (это слово в семье священо!) усердствовал топором, наша тройка сносила хворост. Костёр горел несколько недель...

На пасеку Тихон Васильевич привёз десяток ульев, которые перешли ему по наследству: дед и отец занимались пчеловодством. Рядом поставил три палатки: две — для семьи и одну — под завоз цемента на постройку дома. Спали в палатках, сосновые шишки стучали ночами о брезент. Со временем прикупили себе небольшой, заросший бурьяном прирезок. В общем, на круг вышло под четырнадцать гектаров лучших в мире чернозёмов.

— Место для пасеки подарила природа. Рядом лес и лог. Глубокий и крутой. Ближний склон частит соснами, противоположный — вековыми дубами. Лог имел ещё и стратегическое значение: пчеле гораздо легче преодолевать большие расстояния по прямой. А когда по логу шатунёт сквознячок — всё оживает шевелением: цветущие травы, листья груш и яблонь, тонкие веточки берёз. Волшебно шумит хвоя сосен, на солнечной стороне благоухает душица, прячется меж листьев соблазнительная малина. Пахнет мятой. А спустишься ниже, где всегда прохладно и бормочет ручеёк, — отдаёт грибами. Невольно улыбнёшься рыжим шляпкам опят, озорно выглядывающим из крапивы. За яром берёзовая роща с подберёзовиками и свинушками. А ещё дальше — озерцо, куда внуки ходят удить карасиков.

Сначала определили приоритеты: на первом месте должна стоять пасека и доход от неё. На втором — стройка. На третьем — полеводство и животноводство, как подспорье и гарантия на случай слабого медосбора или гибели пчелосемей, что и случилось в 1992 году.

За дело взялись горячо: выходных дней и отпусков с тех пор по сей день у Лукиных не стало. В работе была задействована вся семья, исповедующая древний христианский принцип староверов: в труде нет греха.

В первое лето успелось немного. Расчистили место под ульи, за две недели вырыли котлован под омшаник, приспособив тракторок с навесным ковшом для вывоза грунта, начали отливать керамзитовые блоки для дома. Бетономешалку сделали из бочки, вращали вручную, пока не провели электричество.

По натуре Тихон Васильевич природный умелец. Навыки взял по родовому корню. Осовременил их, работая по молодости преподавателем труда в школе. Он сохранил бондарный инструмент отца, прикупил новый. Оборудовал столярную мастерскую, где нашёлся уголок и для инструментов по металлу, и для электросварочного аппарата.

Когда Тихон Васильевич работает, возле него можно лечить нервы. Движения рук скупые, но верные. Мастерит неторопко, а дело вроде само живо подаётся. Пчела не любит суеты.

– Чтобы работать на земле, – говорит пасечник, – надо овладеть многими специальностями.

Когда подросток пятый, самый младший внук Петя и прилип к дедушке помощником, бывало, каждое утро спрашивал:

– Деда, а кто мы сегодня?

– Сегодня мы каменщики.

В следующий раз они были сварщиками, затем штукатурами, малярами. . . Тихон Васильевич говорит:

– В том, что дети и внуки нас радуют, есть заслуга пасеки. Оказалось, что она не только даёт прибыль, она и воспитывает. Одно дело, когда родители приучают детей к труду, следуя инструкциям органов образования, а другое – если труд становится жизненной необходимостью. Мы бы не смогли справиться со всеми работами без помощи детей и внуков. Они это понимают и с удовольствием помогают. Бывало трёхлетний Петя ложится днём спать лишь при условии, если ему пообещают, что без него работать на пасеку не пойдут.

Однажды заезжий корреспондент спросил у Пети:

– Когда же ты пошёл на пасеку?

Тот ответил:

– Когда смог поднять дымарь.

А дымарь на пасеке – первейшее из дел. Руки пасечника заняты рамкой, вот внучок и подпустит сизую струйку, смиряя пчелу. Стамеску подаст или обоюдоострый нож для среза трутневых крышечек. А подросток – и рамконошу притащит. Этот Петя в свои 10 лет самостоятельно снял в лесу рой, улетевший за два километра. Попросил: “Можно, чтоб он был мой?” На передней стенке улья, выше летка, появилось родовое имя внука, начертанное рукой деда.

Крестьянская семья – не просто семья, как в городе. Это трудовой коллектив, где каждому определено своё место и где каждый знает своё дело. А для детей – и маленький университет, где сызмала они обучаются сельским профессиям и ежедневно сдают экзамен. Такое семейное образование я бы назвал трудовым коллективом. Особенность уклада жизни Лукиных состоит ещё и в том, что в нём нет начальства. Ими никто не командует. Каждый сам по себе знает своё дело и всё вместе, как целое. А когда в семейный рой вошли зятья и подросли внуки, то и вовсе полегчало. Тихон Васильевич не ограничивает волю детей и внуков. Они должны иметь свои интересы. Пусть едут учиться.

– У них должен быть свой интерес. Захотят вернуться на землю – пожалуйста. Каждый волен сознательно выбрать свой путь.

Конечно же, семья испытала небывалые лишения и трудности: три года жили без электричества, семь лет без газа, девять лет воду возили из хутора цистерной, пока не пробурили скважину. Без дороги, без магазина, без школы и поликлиники. . .

Ох, и помытарствовал же он, бедняга, по бюрократическим загородам, пока оформил землю в собственность. Плодородна земля наша на чиновников! Чем их больше, тем больше неразберихи, ибо каждый хочет показать себя на своём месте, что ест хлеб не зазря, а в поте лица. Естественно, протягивая руку. . . Так и законы: чем больше законов, тем больше сумбура. От зако-

нов легче не становится. Больше законов – тяжелее жить. А Государственная Дума штампует их конвейерно пачками – ввек не перелистаешь. Государство гнобит, мужик хитрит – да всё одно под спудом пыхтит.

А тут ещё налоговики показывают своё фискальное рвение – штрафы за штрафами. Лесничество – себе тянет: чего клетки с кролями поставил под сосной!.. И опять же – по карману! Сейчас всё через рупь: где ступь – там и рупь! Нам, советской властью воспитанным, в диковину были такие чудеса... Порою хозяйство находилось на грани развала...

И все эти невероятные трудности надо было преодолеть, обуздать нервы, маясь бессонными ночами, перебирая в голове исстрадавшиеся думки.

И всё это своим горбом – Тихон Васильевич из принципа не брал кредиты (нечего кормить нахлебников!), ничего ни у кого не занимал, чтобы не впасть в кабалу, что давало ему уверенность в себе и самостоятельность. Заёмные деньги – это петля на шее, постепенно затягивающаяся.

Наконец-то бюрократические мышцы на лицах чиновников размякли, и Тихон Васильевич Лукин получил на руки воделенную бумагу на землю с горбовым знаком.

2. “...под небом Африки моей вздыхать о сумрачной России...”

В семидесятых-восьмидесятых годах прошлого столетия Тихону Васильевичу представилась возможность получить второе высшее образование на отделении французского языка при Московском педагогическом институте. По окончании учёбы тридцатидвухлетнего специалиста отсылают в Африку, где в лицее города Батна, что в Алжире, он преподавал математику и физику на французском языке.

– Почему на французском? – пояснил мне Лукин. – Потому что Алжир был колонией Франции более ста лет.

По северу Африки, вдоль побережья Средиземного моря, протянулся Атласский горный хребет. Горы здесь не очень высокие – два-два с половиной километра. Ширина хребта – двести-триста километров. Вечных снегов здесь нет. Даже на самых высоких вершинах к концу мая снег сходит и только в ноябре вновь появляется.

Местность эта заселена довольно плотно. На полторакилометровой высоте и даже выше стоят города с населением до миллиона человек. Батна – один из таких городов. Он расположен к востоку от столицы, недалеко от границы с Тунисом. В нём живёт 600 тысяч арабов, кабилов, берберов. Это региональный центр с университетом, военной академией, десятком крупных техникумов, лицеев. Лицей – промежуточное звено между средней школой и университетом.

Семья Лукиных поселили в квартире из трёх комнат на третьем этаже многоквартирного дома. Вскорости Тихон Васильевич обзавёлся хорошим знакомым со второго этажа – Ибрагимом Бузианом, верующим мусульманином. У Ибрагима с женой Ясминой было трое детей: Бесем, Хейдем и девочка Айя. Свободное время проводили за шахматной доской. Ибрагим Бузиан преподавал английский язык в том же лицее. Он оказался высокообразованным человеком. В Англии преподавал французский язык, а во Франции – английский. Разговаривал ещё на четырёх языках и на трёх местных алжирских говорах. За свою жизнь Ибрагим побывал во многих европейских странах и стал убеждённым сторонником социального государства, осуждая систему западного капитализма. На этой почве они и сошлись взглядами.

Однажды Ибрагим предложил своему напарнику по шахматам съездить на его родину. По условиям контракта Тихон Васильевич не имел права совершать подобные вояжи, тем более взяв семью. Но приглашение было столь искренним, а соблазн столь заманчив, что Лукин рискнул. И вот они впятером, с детьми, едут на юг, в горы, машиной Ибрагима “Рено” последнего выпуска.

Поскольку Тихон Васильевич родился и вырос на равнине, горы произвели на него ошеломляющее впечатление. Узкий серпантин дороги виляет меж голых скал. Местами дорогу обступают могучие атласские кедры. Их кроны схожи с нашими голубыми елями. В расщелинах пламенеют жёлтыми пятнами цветущие мимозы. В небольших прогалинах рассыпчато, рудыми крапинками, выделяются на изумрудной зелени коровёнки дробной породы, с ни-

ми — горец с большой, выше головы, клюкой, загнутой полукольцом на конце. И над всем этим заморским дивом, чуждым нашему глазу, в поднебесье ослепительно сияют на горной хребтине пласты африканского снега.

— Ибрагим посмотрел на часы и остановил машину. Взял свёрнутый в дудочку небольшой коврик, отошёл на обочину. Расстелил на камне коврик. Стал на колени, помолился лбом к земле. Мы сидели в машине. Затем он свернул коврик, вернулся в машину какой-то посветлевший лицом.

За перевалом он снова остановил машину. Выйдя на обочину, позвал нас.

Мы подошли к рампе обрыва, и перед нами в глубоком провале открылся кратер, окаймлённый скалами. По долу межгорья полыхали красными черепичными крышами игрушечные домики.

Дорога круто спускалась дугой вниз.

Селение, куда мы приехали, не было похоже ни на аул, ни на село в нашем понимании. Вдоль улицы стояли добротные, в два-три этажа, коттеджи, украшенные витиеватыми балкончиками, мезонинами, небольшими колоннами под навесом у входа. Не было ни убого покосившихся изб, ни привычных нашему глазу ветхих сараев, как в русских деревнях. Я не удержался и спросил: “А как оказалось, что у вас все дома новые?” Ибрагим коротко ответил: “Старые французы взорвали”. И рассказал, как они более ста лет вели освободительную войну с европейскими колонизаторами: “Наши места партизанские, и чтобы зимой моджахедам (по-арабски — патриотам) негде было укрыться, французы уничтожили все горные аулы: девять тысяч...”

Слушая воспоминания Лукина, я думал: “Вот на чём жирела паразитическая, вскормленная вооружённым захватом колониальных рабов Европа! А мы восхищаемся — тротуары моют порошком!”

— Ибрагим помнил, как их семью выгнали на улицу, и видел, как дом родителей взлетел на воздух. Семью из шести человек приютили чужие люди на окраине города Батны.

Как-то Тихон Васильевич рассказывал мне, что города и селения в Алжире — чистые, ухоженные, постройки — европейского типа. Даже Москва той поры, когда он учился, по сравнению с алжирскими городами выглядела грязной, замусоренной бумажками из-под мороженого и окурками, в то время как из репродукторов на улицах звучала песня: “Дорогая моя столица, // Золотая моя Москва”...

— Ибрагим сказал: “Когда мы изгнали французов и евреев, семьи вернулись на свои прежние места, в горы, мы зажили свободно и независимо, а все ресурсы пошли на восстановление разрушенной врагами страны. И мы построили эти города! Но свобода нам далась невероятно дорого: полтора миллиона убитых и более двух миллионов брошенных в тюрьмы и лагеря. Для десяти миллионов алжирцев это страшная цена...”

На обратном пути притихли даже дети — восьмилетний Володя и шестилетняя Надюша. Дети чутко ловят настрой родителей. И Тихон Васильевич уже не любовался красотами Атласских гор, а задумался. После того как Ибрагим напросился на ответный визит, Лукина взяла оторопь: “Что я покажу алжирцу в своём хуторе?.. Глиняную подслеповатую хатушку родителей семь на четыре метра из глинобитных стен под соломенной стрехой об одном глазу на кухне, где в печь вмазан осколок зеркала, и двумя — в спальне, где стоит железная кровать, окрашенная зелёным. Да расписанная скринька — ещё материно приданое?..”

3. “Долюшка русская, долюшка женская...”

...Ещё за месяц до вступления немцев советско-партийное начальство сбежало из Прохоровки. А в начале сентября 1941 года явились незванные гости и в Засечное. Но долго не задержались, ушли на Воронеж. И только через семнадцать месяцев, в феврале 1943 года, вернулись наши.

Перед отступлением немцы погнали хуторян в тыл, на запад.

Мать Тихона Васильевича — Мария Фёдоровна — взяла меньшего Васю на руки, а чуть старшей Лариске строго приказала крепко держаться ручонкой за подол. Девочка вязла в наметанных ветрами сугробах до пояса. Мороз рвал кожу на щеках. А мать всё чаще кричала встречу замети, секущей лицо:

– Не отрывайся! Держись крепче!

Гнали невольников невесть куда...

Полыни за горемычный свой век наглоталась Мария Фёдоровна вдосталь, больше чем надо. Беда за беду зацепится – цепку не разорвать. Почти весь век умывалась слезою. Но поняла, что все мерзости жизни не оплачешь. И когда после войны вернулся с фронта домой израненный муж Василий, она родила и вывела в люди ещё двух славных сынов – героя нашего повествования Тихона и младшего на два года Фёдора.

В пору огненной стужи знойного лета того же 1943 года хутор Засечное высмалили начисто: из 58 хат осталось всего два остова глинобитных стен. Не сгорела единственная халупа родителей Лукина. Снаряд ударил в печь, разметав стреху по двору – солома не успела загореться.

Не так давно Тихон Васильевич хоронил односельчанина. Подслушал бабий разговор:

“Ну, что, девки, – обратилась к старухам Федора, – теперича на одну чугуницу больше стало...”

Газа нет. Крана с горячей водой – и в помине. Отлива тоже – помои снеси от мух подале. Колодец – на выгоне, дрова – в лесу. Чтоб три раза помыть посуду – дров наколи, печь истопи, воду вскипяти.

“Теперича, Манька, миски не будешь мыть. Прямо из чугунка снедать будешь. Я как своего схоронила, так и постелю туда-сюда раскидывать не стала. Кровать с тех пор стоит прибранная, а сама на топчанчике у печи, на старых фуфайках”.

“Да ты, Федора, – возразила ей уж совсем сгорбленная Анфиска, – чугуница тоже не больно старая. А я ведь с той войны...”

Война вымела мужиков с хутора почти дочиста: на 58 дворов осталось 36 “чугунниц”. И ещё до сих пор жёны и матери не оплакали мужей и сыновей. Видимо, на свете нет матери без горя...

Когда Тихон Васильевич рассказывал мне о “чугунницах”, я вспомнил “самовары”.

Как-то сразу после войны довелось мне проезжать мимо глухого, в глубинке, села, где, подальше от людских глаз, располагался строго засекреченный спецгоспиталь. В нём лежали инвалиды войны без рук и без ног. Обрубки войны. А иные ещё и слепые, отказавшиеся после войны ехать домой. Вместо них послали похоронки. Называли таких раненых “самоварами”. За ними ухаживали специально подготовленные медсёстры.

Бедняги не могли даже покончить с собой...

4. Русский вопрос

Сначала большевики заложили под государствообразующий народ Российской Империи политическую мину, лишив русских своего национального статуса ещё в 1918 году, когда при Наркомате по делам национальностей был создан 21 отдел по защите интересов и прав нацменьшинств – литовцев, евреев, мусульман... всех, кроме русских. Нынешние наши старатели оказались хорошими преемниками подлянки, заложенной ещё заезжими из-за рубежа инородными революционерками.

В 1923 году русский народ подкосили экономически на уровне высшей власти в резолюции XII съезда РКП(б): “Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отстающих ввиду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперёд национальности без действительной и длительной помощи извне... Преодолеть это неравенство в короткий срок... невозможно... Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путём действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания”.

Выдающаяся исследовательница “русского вопроса”, доктор юридических наук, основоположник нового научного направления – социальной демографии – Галина Ильинична Литвинова (1931–1992) писала: “Чтобы решить эту

задачу, в остальные национальные регионы перевозились из индустриальных областей РСФСР, Украины и Белоруссии целые фабрики и заводы, направлялись квалифицированные рабочие, учителя, врачи, учёные. Но основная помощь была со стороны русского народа, который сам находился в тяжелейшем положении”.

С подачи заезжего из Америки Лейбы Троцкого, во время коллективизации в двадцатых-тридцатых годах прошлого столетия большевики ликвидировали как класс самую трудоспособную часть крестьянства, разорив сельское хозяйство. Они сумели так глубоко загнать в подкорку слово “кулак”, что я до сих пор, когда слышу это слово, испытываю неприязненное отношение к этим людям. А ведь это была сельская элита! Лучшие хозяева...

Не пожалела русские области и Великая Отечественная. Сразу после войны приехал в СССР лауреат Нобелевской премии, американский писатель Джон Стайнбек. Что же он увидел на русских землях?.. “Представьте себе территорию Соединённых Штатов, полностью разрушенную от Нью-Йорка до Канзаса... Каждый камень и кирпич... надо поднять и перенести вручную, поскольку нет бульдозеров”.

Побывал наш любознательный гость и в Грузии: “Место, где родился Сталин, оставлено так, как и выглядело раньше, только закрыто огромным шатром для защиты от непогоды. Верх этого шатра создан из цветного стекла”. “Батуми – очень приятный тропический город пляжей и гостиниц... город парков, затемнённых деревьями улиц...”

“Рабочие живут в новых, чистых и приятных жилых домах. У каждой семьи – своя квартира, а работающие женщины могут устроить детей в детские ясли”.

Так было в Грузии. А русские в то время были загнаны в землянки. Кого следовало обустроить в первую очередь?!

Сельскохозяйственные налоги в славянских республиках с 1945 года были в несколько раз выше, чем на национальных окраинах СССР, не понесших разрушений в годы войны. Всю – до цыплёнка! – живность обложили у нас непомерной податью, чего не было в азиатских и кавказских республиках.

Когда на Руси вырубали подчистую плодовые сады, где было обложено каждое дерево, а крестьянину нечем было расплатиться, в южных республиках закладывались виноградники и мандариновые рощи.

Русская деревня выживала в нужде и нищете, работая за “палочки”, отмечаемые бригадиром в тетрадке, а за поднятый колосок на скошенном поле отправляли в тюрьму.

Закупочные цены в Центральной России на сельхозпродукты были в разы ниже, чем на Кавказе и в Средней Азии, а среднемесячные доходы колхозников у нас были в девять раз ниже, чем там.

После войны национальные республики были газифицированы на 90%, а РСФСР только – на 3–7% (впрочем, наши нынешние демоправители газифицировали почти всю Западную Европу, часть Америки и Азии, просто “забыв” газифицировать свою страну).

Наконец, в силу перечисленных – далеко не всех! – “экспериментов”, поставленных на русском народе, на улицах наших деревень и хуторов пошли чередоваться живые и мёртвые подворья – могло ли в таких условиях обустраиваться русское село?..

5. Земля нашла хозяина

Не спеша, размеренно, изо дня в день, без выходных и отпусков, без науги, а в удовольствие, с возрождаемым, но вечным чувством собственного дела Лукин своей рукой вложил каждый кирпичик в четырёхэтажный особняк с двухскатной крышей, который очерчивал ночами ещё в Алжире. Выставил под кроны растущего сада полторы сотни улыбочивых разноцветьем ульев и стал из года в год обживать. Провёл электричество, а со временем – и газ. Пробурил скважину для воды. Купил ещё один трактор – помощнее, для полевых работ. Устроил пчелиный музей с дуплянками под соломенной стрехой, смастерил смотровой улей с одной стеклянной стенкой. Парково обустроил усадьбу. Проложил, обсадив вместе с женой цветами, аллеи. Вырубил из причудливых коряг персонажей русских сказок, рассадил их по

травам и за кустами, чтобы они загадочно выглядывали из-за листвы. Но главное – вещей камень.

По местному преданию, здесь проходил с дружиною князь Игорь. Остановился у вещего камня. Спросил мальчика, пасшего овец: “Что этот камень означает?” Пастушок ответил: “Направо пойдёшь – в Правороть попадёшь (в древности стояла в селе с таким названием “правая рать” – значит, справедливая), налево пойдёшь – родничок найдёшь; прямо пойдёшь – сечу встретишь”. Князь Игорь пошёл прямо.

Этот камень весом в пятнадцать пудов Тихон Васильевич всё-таки разыскал в логу под ветошью палой хвои. Очистил от вековых наслоений и с помощью выволоч и погрузил на тракторную тележку. Установил при въезде в усадьбу. А надпись высек по-своему: “Направо пойдёшь – мёд найдёшь, налево пойдёшь – с медовухой уйдёшь, прямо пойдёшь – в лес попадёшь”.

Первым делом экскурсанты фотографируются у вещего камня под вековыми дубами.

Губернатор, видя неудержимый душевный порыв на благое дело, распорядился подтянуть к усадьбе полоску дороги, заасфальтировать пятак для стоянки экскурсионных автобусов. И родовая усадьба “Журавка” начала уверенно входить в число наилучших в округе хозяйств, став участником областной программы “Семейные фермы Белогорья” и объектом туристического маршрута, куда приезжают не только за натуральным, экологически чистым, собранным из цветов разнотравья, произрастающего на лучших в мире чернозёмах, мёдом, но и умиротворить свою душу мерным звоном пчелиных крылышек.

– На пасеку надо идти с чувством радости, очистив плоть от нечисти, а душу – от скверны, – говорит Лукин.

Тихон Васильевич выносит из подсобки парусиновые шезлонги и брезентовые раскладушки, прилаживает их меж ульями.

Нет ничего живительней, чем вдохнуть, очистив лёгкие, целебный настой медоносов, обогащённых фитонцидами, которые убивают золотворные микробы. Умилить душу убаюкивающим звоном. Такую процедуру в полусонном блаженстве или с книжкой в руках, а то и в сладкой дрёме на раскладушке паче не называют природной пчёлотерапией. По профилактике наша медицина ещё не поднялась на этот уровень. Есть понятие “медовый месяц”. У Лукина – медовая неделя, понятие оздоровительное.

Когда идёт отъём благодатного нектара во время взятка, и пчелы, мерцая крылышками, осушивают в сотах принесённый дар, воздух на точке густеет исцелительным бальзамом. Пчела, усиленно занятая медосбором, никогда не тронет тебя на раскладушке или на шезлонге. Жало пчелы – твоя ошибка. Одна лёгочница из Санкт-Петербурга вместо курортов ежегодно приезжает в пчелиную поликлинику на открытом воздухе. А родственница Лукина из Москвы после воздуха на улицах столицы приезжает больной, а уезжает – здоровой. Кроме их отзывов в “Гостевой книге” маячат записи на французском, немецком, английском...

Палитра продукции “Журавка” ширится с каждым годом. Начали торговать лечебным прополисом, маточным молочком. Позже – рассылкой четырёхрамных пакетов с породистой маткой и пчёлами для закладки новых пасек на Руси. Вера Петровна по специальности цветовод. В усадьбу едут за черенками, саженцами декоративных растений, семенами цветов. А священники загодя заказывают воск. Церковный воск имеет символическое значение. Искусственный стеарин – химикалий – греховен в церкви. На восковой свече вокруг пёрышка пламени образуется воздушная аура, она святочно возносится по храму до куполов.

Литургист Симеон, архиепископ Солунский, определил значение восковой свечи ещё в XV веке: “Чистый воск означает чистоту и нескверность людей, его приносящих. Мягкость и податливость воска показывают нашу готовность к послушанию Богу, а горение свечи символизирует обожение человека, его превращение в новую тварь и очищение огнём Божественной любви”.

Но главное – мёд. Мёд благодатной “Журавки” – это не только биохимическое вещество, взращённое на лучших в мире чернозёмах, полных священной кровью русичей при защите Отечества от вражьего навала. Это, прежде всего, духовная субстанция, если он сотворён с душой.

Мёд несёт в себе и определённый заряд информации. Накапайте в тарелку жидкого, не засахаренного мёда, чтобы получился кружок величиной с мо-

нету. Налейте чистой воды, немного, с тем чтобы она покрыла дно тарелки. Теперь круговыми движениями тарелки растворите мёд. Если мёд натуральный, без подмеса, он покажет – откуда родом: на ваших глазах медленно проявятся сотовые шестиугольнички.

Надюша говорит:

– Мои родители живут настолько правильно, что иной жизни представить нельзя.

Тихон Васильевич добавляет:

– У меня лучшего не будет.

Там, где более двадцати лет назад дикий сорняк глушил пустыри, где торчали остовы глинобитных стен с проросшими посреди кухонь и светлиц американскими клёнами, где зияли провалы осыпавшихся погребов, архитектурно вознеслось современное строение, вырос фруктовый сад, оживлённый ульями.

Земля нашла хозяина, а хозяин – свою землю.

Как-то проводя в районе выездное заседание правительства области, Евгений Степанович Савченко завёз в “Журавку” полный состав управленцев и показал, как следует вести частно-семейное дело.

6. Танковое поле – кровавое поле...

К лету 1943 года от Курска выгнулся огромным пузырьём в немецкую оборону пролом, потеснив врага более чем на сто километров. Это была самая неприятная болячка на глазу у вермахта, которую он решил срезать. Немцы называли выступ “Курским балконом”, а военная операция получила кодовый шифр “Цитадель”. У нас выступ назывался “Курской дугой”.

Планировалось врагом ударить у основания выступа с юга, от Белгорода, и севера – от Орла, пленив до 700 тысяч человек в “котле”, сократив линию фронта на 200 километров, и освободить 30 своих дивизий, уплотнив тем самым ряды войск. Далее – прорвать линию советской обороны и выйти на стратегический простор для дальнейшего наступления. На северном фланге группой армии “Центр” командовал Гюнтер фон Клюге, на южном фланге группой армий “Юг” – выдающийся полководец, фельдмаршал Эрих фон Манштейн.

Это тот Манштейн, который за первые пять дней войны с 22 июня 1941 года мастерски вбил танковые клинья на глубину до двухсот километров в нашу территорию, оставив позади несколько миллионов деморализованных окруженцев и тем самым показав нашим конармейским маршалам новый вид ведения современных войн. Такой успех воодушевил и берлинских главарей. Начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал 3 июля 1941 года в свой дневник: “... кампания против России выиграна в течение 14 дней”, что говорит об абсолютной слепоте самоуверенных, зарвавшихся головорезов.

Безоглядный успех бравадно вёл непобедимого триумфатора по истерзанной и пылающей земле, шматуя на ходу стальными траками всё живое, и он уже предвкушал смак близкой победы.

Но на третьем году войны фельдмаршал Манштейн был уже иным. После Сталинградской битвы он как опытный военный стратег увидел, что война проиграна. Держал себя открыто, надеясь погибнуть в бою, как должно солдату. Судьба хранила его.

Знал он, что и операция “Цитадель” не что иное, как очередная авантюра “дилетанта” (так он называл фюрера), хотя и настаивал на её проведении. Властолюбивый и злопамятный фюрер не давал фельдмаршалу роздыху, отчего с Гитлером у Манштейна случались *нестыковки*. Споры иногда доводили Адольфа до иступления.

Не особенно надеясь на успех, Манштейн ещё в мае 1943 года вместе с опытным командующим 4-й танковой армией Германом Готом предусмотрел второй вариант сражения под Курском: перемолоть советские резервы, с тем чтобы не попасть в окружение при отходе за Днепр, где они надеялись укрепиться основательно. Такую директиву Гитлер не подписывал.

К тому времени вправили мозги и ОКВ (Верховному главнокомандованию вооружённых сил фашистской Германии), где курс блицкрига – “молниеносной войны” – бесповоротно сменился “стратегической обороной”. Гитлер ещё

рассчитывал нанести Красной Армии чувствительное поражение, идя ва-банк, чтобы улучшить соотношение сил и, в конечном счёте, добиться ничьей, принудив Сталина заключить сепаративный мир.

Смутно было в головах и у рядовых 1-й дивизии СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер”, которая вела наступление в сторону Прохоровки.

Вот что писал в своём письме солдат первого отделения 2-го мотопехотного полка Курт Пфёч 5 июля 1943 года: “... Ты действительно видишь ещё какой-то смысл в происходящем? Действительно ли ты прочно убеждён в том, что всё это необходимо? Всё! С меня хватит! Нет сил продолжать эту дерьмовую войну! Я больше не могу! “Хватит!” – кричали нервы. “Хватит!” – кричало сердце. “Хватит!” – пронеслось в мыслях”.

В направлении Прохоровки была задействована элитная дивизия германской военщины СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер” – откормленные здоровяки с чёрной нарукавной ленточкой, на которой было вышито серебреном имя Адольфа Гитлера. У каждого на счету по 10–15 советских танков. У некоторых на груди – серебряный знак с цифрой “25”. Все члены экипажа могли самостоятельно вести танк. У нас водитель вышел из строя – танк омертвел... А с нашей стороны во время сражения под Прохоровкой, как пишут военные историки, “абсолютное большинство механиков-водителей советских танков были не обстреляны. Они не имели достаточного опыта вождения машин днём – о ночи же и говорить было нечего”. Мальчишки шли на смерть...

Мне вспомнилось, как нашу роту противотанковых ружей долго не вводили в передовые траншеи, а держали в прифронтовой полосе. Мы занимались изучением материальной части вооружения, с закрытыми глазами заряжали и разряжали автомат на случай, если понадобится вести бой ночью. Ходили на учебные стрельбы. Нас изматывали марш-бросками по 15–20 километров с полной выкладкой в 30 килограммов на плечах. Но главное – обкатка танками.

Я сидел в траншее и выглядывал, когда же покажутся грозные машины. Конечно, психологически мы были подготовлены – всё же учёба, танки свои. Тем более люки водителей открыты и видны их лица. Вот один заметил меня и улыбнулся. Повернул танк. Я упал на дно траншеи, притаился. А когда гусеницы прогрохотали лясками траков по голове, быстро вскочил и бросил прошлогоднюю корзинку подсолнуха на сетку мотора, изображая бросок гранаты. Всё так. Но это был уже 1944 год, и стояли мы на Западной Украине.

...Взломав две наши оборонительные полосы, немцы продвинулись на 35 километров и подошли вплотную к Прохоровке, заняв горловину между рекой Псёл и лесным урочищем. Согласно разведанным Манштейн знал, что из глубокого тыла двигается колонна советских танков длиной более 18 километров. Это была наша лучшая Пятая гвардейская танковая армия под командованием генерала Ротмистрова. Она предназначалась для наступления до Днепра после прорыва немецкой обороны на Курской дуге другими частями. Её-то и ждал Манштейн. Он приказал остановиться и занять оборону. Это было самое удобное место для расстрела железных машин. Свои танки немцы закопали в землю по башню для кругового обстрела, если кто прорвётся.

Утром 12 июля 1943 года наша пехота попыталась взять господствующую высоту 252,2, где теперь стоит памятник “Звонница” и где удобно было развернуть в боевые порядки танки Ротмистрова для наступления. Немцы открыли небывало плотный огонь по площадям. Два пехотных полка полегли... Затем пустили танки. 150 единиц. При дальности прямой наводки “тигров” до полутора километров, при качественной цейсовской оптике наведения, наши потери были значительными.

Тихон Васильевич рассказывал, что его родной дядюшка Денис, сидя в погребе, слышал уже немецкую речь. Подобрались к тыну, а воротца одолеть не смогли. Попятились назад. Когда грохот пальбы отдалился на запад, Денис вылез из погреба и насчитал на своём огороде 26 трупов. Вперемежку. Зарывали вкуче, без разбора. При июльской жаре тела подгнили – вонь удушно забивала дыхание, заходить приходилось от ветра. Сверху пригнали трактор и могильные бугры сравняли. Без лишних забот. Зловещие метки войны ещё долгие годы пестрели оспинами жирной зелени...

Говорят, что братскую могилу погибших воинов следует продлить на три километра к западу от Звонницы до посёлка Комсомолец. В прохоровском храме Петра и Павла, возведённом в память о павших на танковом поле, вы-

сечены на мраморных досках имена 7 тысяч воинов. Это лишь выявленные по документам, которые собирали после боёв мешками. Опять же люди уточняют, что погибших было больше – до 10 тысяч... Война считает нолями. На Прохоровском поле наступление считали не километрами, а трупами.

Но и потери фашистов были такие, что Гитлер принял решение прекратить операцию “Цитадель”. Прохоровское поле протрезвило и одну, и другую сторону.

Меня всегда занимала противная сторона. Не воспоминания и дневники немецких генералов, которые обычно бахвально привирают, а взгляд на события рядового солдата. Говорят, сверху виднее. Не всегда. А вот снизу – трезвее.

Так они шли на нас:

“Темп марша был необычайно высоким. Всё выглядело так, как будто надо было выиграть гонки... Мы не знали, где проходит финишная прямая этих гонок. Если бы нам сказали, что она где-то в районе Прохоровки, вряд ли кто-нибудь из нас придал бы этому значение. Это название поначалу ничего не говорило нам. Пока ничего! Чем Прохоровка станет для нас через сорок восемь часов, у нас пока не было никакого представления. Пока никакого! А пока можно съесть кусочек шоколада и просто осматривать окрестности. И спеть “Марш дивизии “Лейбштандарт””.

“Русские позиции представляли собой кучи земли, лабиринт ходов сообщений, пулемётных точек, блиндажей и позиций противотанковых пушек. Всё это было перепаханно бомбами и снарядами. Воронка была на воронке. И всюду – убитые. Русские – группами и отдельно – убитые”.

“Куда ни глянь, лежали убитые русские гвардейцы. На позициях они как будто спали. Среди них попадались разорванные на части, раздавленные в ходах сообщения. Кто выжил после атаки с воздуха, попал под прорвавшиеся танки, был расстрелян, раздавлен и вмят в грязь”.

А когда они полезли отсюда, то увидели себя:

“Вокруг лежали убитые немцы.

– Пошли дальше, – Курт подхватил берлинца под руку. – Нечего тут смотреть. Здесь кто-то из 3-го батальона. Нам снова повезло.

Он обошёл кучу человеческих тел, споткнулся о каску и выругался. Вокруг лежали коробки с пулемётными лентами, винтовки, автоматы и кругом – мёртвые: разорванные на куски, изрешечённые, раздавленные танковыми гусеницами. Стоял отвратительный смрад. Запах прилипал к языку и плотно обволакивал нёбо”.

“Курт понял: **иван** почти прорвал противотанковый рубеж, сейчас он снесёт его и двинет дальше! Курт решил сползти назад”.

“Когда Курт выглянул из-за края балки, то испугался. Жирный чёрный дым, фонтаны земли, стреляющие и горящие танки. Его глаза прижмуривались от ярких вспышек, сверкающих сквозь дым и пыль. Русские! Т-34! Как они близко! Они просто прорвались. Чтобы не успели подбить “Тигры”, проехали дальше! Ни на что не обращая внимание! Как самоубийцы!”

“Один “Тигр” повесил хобот. В его левом борту зияла дыра. Башню охватили языки пламени, словно факелы. Т-34 на полном газу неслись к “Тиграм” спереди слева. Первые “Тигры” дёрнули гусеницами и повернули. Один задымился, но продолжал ещё стрелять. **Иваны** мчались на полном ходу, чтобы не дать “Тиграм” воспользоваться преимуществом в дальности стрельбы и бронировании. Они мчались решительно, упрямо, отчаянно. Каждый попавший снаряд на сравнительно малом расстоянии проходил сквозь стальные стены, словно гвоздь через фанеру”.

“Танковое сражение под Прохоровкой бушевало целый день. И вечер был таким же, как день, а ночь – такой же, как вечер. Горящие танки освещали местность призрачным колеблющимся светом. Остовы танков стояли близко друг от друга, в некоторых местах – кучами, так же как погибшие гвардейцы и гранадёры”.

Автор этих записок – Курт Пфёч, 1924 года рождения. Доброволец 1-й дивизии СС “Лейбштандарт Адольф Гитлер”, с осени 1942 года – на Восточном фронте

те. Тяжело ранен в бою под Прохоровкой, списан как нестроевой. Из 12 солдат 1-го отделения 2-го мотопехотного полка десять погибли на фронте.

Стиснутая до пределов Огненная дуга с неимоверной силой разогнулась и сокрушительно саданула двумя концами – северным и южным – по берлинскому бункеру, где спешно начали создавать при ставке Третьего рейха сверхсекретный отдел по срочному “…поиску возможностей сепаратного замирения с противником не только на Западе, но даже на Востоке”.

… У Поминальной Звонницы, как всегда, делегация. Автобусы с украинскими номерами в сторонке, а процессия, среди которой и ветераны войны, медленным шагом, с венками в руках, направилась к ступенькам святыни. И хотя бывшие воины с медальными кольчужками на груди к нам спинами, их сразу отличишь, уже согнутых. Вообще основная поза в наступлении – это вид согнутого бегущего солдата. В молодости согнуло и в старости согнуло. . .

Название хутора Засечное, где находится Звонница, говорит о его принадлежности к Белгородской засечной черте. “Преданья старины глубокой” доносят нам, что где-то в районе Звонницы стояла сторожевая вышка засечных насельников.

А появились они здесь в XVII столетии, когда “боярские дети” начали переселяться из Тульского края на южное порубежье для надзора границ от жестоких набегов неверных басурман. “Боярских детей” вписывали в “Таможенную книгу”, наделяли участками. Но землю они не обрабатывали, а несли службу и получали царское жалование. Землю сдавали в аренду. Династия Лукиных скоро отметит четырёхсотлетие.

Глядя на Звонницу, я подумал, что Прохоровское поле – это засечная черта, о которую свернули себе шею западные басурманы XX века.

7. Засечная черта

… Мы ехали к усадьбе Тихона Васильевича. Обочь дороги с двух сторон стройными рядами выстроилась ровень машины диковинная для наших мест поросль. Немного позже я узнал от Веры Петровны, что это декоративное растение, завезённое из Африки, называется клещевина. Там клещевина считается технической культурой, из её плодов вырабатывают касторовое масло. В наших краях это заморское чудо не вызревает, и в первые заморозки большие разлапые листья на длинных черенках свисают вялыми тряпочками. Но заморозки были ещё на подходе, и клещевина вызывающе красовалась на фоне осенней густоты разноцветья.

Неподалёку, прямо на окраине лога, поросшего урёмным дубняком, показался добротный особняк в четыре этажа с венецианскими окнами. Полыхала крыша из металлической черепицы красного цвета. Тихон Васильевич говорил, что любит окна, чтобы в них было три четверти неба. В глазах просветлело.

– Ничего себе хоромина! – удивился вёзший нас есаул.

– Такую он чертил в Алжире.

Тихон Васильевич выскочил из “хоромины” и, разведя руки, готовый своим славянским добросердечьем объять весь мир, пошёл медведем навстречу, схватив меня в охапку. Послышался медовый аромат с оттенком прополиса. Как он радуется человеку!

На нём плотно сидел приношенный по крепкому, ещё в силе, телу полосатый свитер, из-под которого у подбородка виднелся вывернутый наружу воротник светлой рубахи.

Слева, за дорогой, на краю поля, стояла иномарка и трактор “Беларусь”. Странно, что техника хранилась на отшибе, а не во дворе.

– А никто не тронет, – уловил мой взгляд Тихон Васильевич. – Сначала хотел усадьбу обнести забором. Потом подумал: зачем? Городиться не от кого. Соседей нет.

– Мне без огорожи как-то непривычно, не чувствуешь края.

– Скрывать нечего. Ворованного у меня нет.

Усадьба встретила нас улыбками цветов. Ещё не померкла герань, кустились мохнатые розы, тянулась кверху этажными венцами шарлаховая сальвия. Я засмотрелся на хризантемы – философские цветы, с глубокими запахами осени.

– Тут хорошо поработал мастер аранжировки цветников, – заметил я.
Клумбы действительно были скомпонованы фигурным чертежом и обмилваны женской рукой.

– Кто любит цветы, тот не может быть плохим человеком, – ответил мне комплиментом на комплимент Лукин.

А я подумал о том, что с возрастом число друзей сокращается, а качество их повышается. И мне с ним как-то уютно, легко. Его неуёмная энергия подпитывает мою хилость.

Только обогнули дом – как под ноги свалилась белка с раздутыми щеками. Но это оказались не щёки, а спаренные на плодоножке два ореха.

– Проказница.

Белка, мелькнув жёлтым пламенем пышного хвоста, проворно скрылась в чащобе.

– По два ореха сразу берёт. Отойдём – вернётся.

Тихон Васильевич достал пустой ореховый шарик с круглым, в копейку, окошком в скорлупе.

– Вот аккуратно так выедает.

Мы спустились вниз, где на склоне лога, в прогалинах межстволья лесной рощицы, проглядывали весёлым разноцветьем ульи. Ульи стояли рядами, уступом в лог на высоких колышках.

Солнце скрывалось где-то за хмарью, и пчела сидела. Лишь у забитого краника поилки самые отчаянные устроили толчею. Тихон Васильевич, обломив травяной пруттик, отогнал, опаживая свободной рукой, пчёл и прочистил краник. Вода зачастила капелью на крылышки и, прорвав запруды толчеи, пошла наклоном по извивам ровика, выдолбленного на доске. Пчёлы, отряхнув крылышки, покинули бесполезный краник и выстроились по изломам русла в ряд, пульсируя поднятым кверху брюшком.

– Дикий кабан забрёл. Сдвинул дальний улей. Чесался об угол. Я не стал поправлять: скоро завозить в омшаник. Порой забредает на пасеку и семейка с поросятами. Намедни мой меньший внучек Петя гонял трактором по выгону клыкастого борова. Я заснял на плёнку. . .

– На пасеку я выхожу, как на праздник. Моё правило, – говорил тем временем Тихон Васильевич, – не гноби себя неудачами. Живи положительными эмоциями. Работа – это моё духовное состояние. Сердце поёт, если ладится дело.

Я представил пасечника без розгиба над ульем в синем халате с подвязками у кистей, в брилевой сетке.

Это состояние услады я помню, когда в молодости занимался пчелюю. Несколько часов пробудешь на пасеке, вечером лёг, закрыл глаза, а в них сотовые ячейки. Какое удовольствие!

– Когда я склоняюсь над ульем, то нахожусь в какой-то светло-солнечной, как медовый сот, ауре.

– И всё же мир зыбок, – напомнил я.

Тихон Васильевич замедлил шаг. Но тут же, будто прорвав какую-то препопу, круто повернул к омшанику.

– “Помирать собирайся, а жито сей”, – говорили наши деды. – Я не понимаю мужиков, которые целый день оттирают углы. Живут от кабана до кабана, от самогонной закваски до закваски.

– И всё же, сколько ни гнули нашего мужика, у него хватало сил на разгиб.

Подошла, переняв нас, Вера Петровна. Подала руку – щепотку женского тепла. Выглядела она величественно, а держала себя просто. Красивая женщина – мне вызов. По молодости я заносчиво отводил взгляд. В старости растарашился во все глаза. Вера Петровна смутилась, ушла в беседку, оплетённую снаружи узорной сеткой дикого винограда. Подумал: мне пора уже под ноги смотреть, а не на красивых женщин. Но при чём тут я? Природа виновата. Впрочем, натуральных лиц не стало. Природно-национальный лик русских красавиц перерисован западной косметикой в корпоративно-рыночную подделку. В красовух.

Вера Петровна ушла, а её скупая улыбка осталась в глазах.

– Пойдём дальше? – напомнил нам Тихон Васильевич.

Молча мы стронулись с места.

Мы спустились в омшаник по откосному въезду для трактора. Часто на экране показывают винные погреба с огромными бочками в два яруса. Я предста-

вил, как в пору долгого заснежья в этом просторном полуподвале покоятся в два яруса на дощатом помосте не бочки, а драгоценные посудины с живым нутром.

— Когда свозим ульи на зиму, время рассчитываем по минутам.

Тихон Васильевич завёл для показа небольшой, красного цвета мини-тракторок без кабины, который стоял наготове у ворот. Рядом находился вместительный прицеп для ульев и самодельный, вроде бульдозерного, ковшик. Тихон Васильевич накиннул крюк на самоделку. Дробно стуча мотором, тракторок поднял и опрокинул ковшик. Я дал знак — глуши тархтелку. Тихон Васильевич повернул ключ зажигания.

— Мы таким способом вывозили глину, когда рыли омшаник.

Тихон Васильевич переступил с ноги на ногу, а я глянул на него как-то со стороны и подумал, что и его одолевает уже неудержимая седина...

— А теперь святая святых, — таинственно произнёс пасечник.

За омшаником скрытно тайлся невысокий лабазик с плотно пригнутой по лутке — от пчёл — дверью. Тихон Васильевич отодвинул засов, ступил в глубину притенённого склада. Пучок света выхватил оскал молочных фляг. Сорокалитровые посудины стояли в два яруса блестящими ракетами из нержавеющей стали. Густой медовый дух забил дыхание.

— В этом году не хватало тары, ходили по хутору, собирали. Вышло двести фляг. Сорокалитровых.

— А по весу?

— Намедни губернатор созвал, как говаривали в старину, передовиков производства...

У меня мелькнула мысль, что о советском времени говорят уже, как мои родители вспоминали царские времена...

— Идёт Савченко — за ним, как обычно, волочитсЯ свита. Увидел меня, поздоровался: “Ну, как, пчельник, собрал десять тонн!” Дома я всё думал: откуда он знает? Наткнулся глазами на журнал “Пчеловодство” — вспомнил. Заметку в редакцию посылал. Я иногда делюсь опытом. В прошлом году отмечали юбилей тысячной фляги.

Мысли мои неспокойно разворошились. Боже ж ты мой, на что способен русский клин — более половины плодородных земель планеты, если всего неполных четырнадцать гектаров за одно лето дали десять тысяч килограмм бесценного здоровья!

— Если появляется в собственности земля, то меняется и психология человека, — продолжал тем временем Тихон Васильевич. — Мои дети уже выросли сознанием в свою землю. У них за неё болит сердце. И общество, прежде всего, должно быть воспитано в духе уважения к праву на собственность. В частности, на землю. Я должен быть уверен, что посадил дерево для своего внука и увеличиваю состояние своего рода. Счастье — это видеть своих детей и внуков счастливыми. Но этого пока мы не видим... И от руководства страны мы ничего не требуем, кроме соблюдения законов и уважения к нашему труду.

— Слушай, пасечник, пчеловод, улейник, пчельник, земец, пчеляк, бортник, пчелинец, как тут у вас: не передавивши пчёл, меда не отведать?

Тихон Васильевич сгустил брови:

— Это в старину. Пчелу обижать нельзя. Если ты к насекомому с уважением, оно к тебе добром. Это святое существо. Не зря сказано, что пчела произошла из слезы Христа, распятого на кресте.

— А вот она, пчела, понимает, что ты, охмутив её дымом, обираешь её?

— Пчелу мы не обижаем. Оставляем, сколько ей надо.

Вера Петровна выставила на стол графин с медовухой, и все улыбнулись. Медовухи я ещё не пробовал.

После медовухи беседа пошла живее, но сошла с колеи. По образованию есаул — селекционер, он живо нашёл общий язык с Тихоном Васильевичем, и они, нагнав за столом скуоту, зашли в научные дебри. Вера Петровна почувствовала себя неловко. Заняла нас цветами.

С утра в тени дубравы ещё не сошла с клумб свежесть, и роса окропила цветы блёстками. Но к полудню хмарь лениво отошла, и лучик солнца, пробив яблоневою вязь ветвей, лизнул пустую тарелку. Над пасекой стоял привычный, как мерное звучание тонкой скрипичной струны, извечно трудовой медвяный звон.

Обочь дома на дороге прошелестел, ярко мелькнув жёлто-предупредительной окраской, школьный автобус и ладно припарковался на асфальтовой

стоянке. Из открытой двери, давясь, точно выстреливая по одному, начала выскакивать детвора. Писклявый щебет потеснил пчелиный звон.

Когда я смотрю на детей, мне видятся за их спинками ангельские крылышки. Когда в семье рождается мурлыкающее дитя, появляется неведомое ранее чувство любви к лепечущему существу. Когда появляются внуки, это лучезарное чувство удваивается. Разве бывает человек счастливее, оцелованный ребёнком, да ещё внуком! Всё остальное меркнет перед святыней потомства.

Я оглянулся вокруг: всё благоухает. Божья благодать. Цветы, пчёлы, дети – красота жизни!..

Но почему дети кричат, надрывая глотку?

Тихон Васильевич, извинившись, заторопился встречать гостей, а Вера Петровна собралась готовить, как стало теперь модно говорить чужими словами, фуршет. Медовый, разумеется. Нам пришлось уступить место.

– О, сколько их?! – удивился есаул.

– Бывает за день до ста человек, если с детьми считать взрослых экскурсантов, – ответила на ходу Вера Петровна. – Возьмите в беседке лукошко, ножи на столе. Там подоспели опята. Один срезал, три смотрят на тебя, вытянув шейки. А пятеро выглядывают из-за спины: когда же ты обернёшься?

Тем временем, ожидая, пока пройдёт экскурсия и Лукин отчитает свою лекцию о пчёлах, мы спустились в лесистый лог, куда вела тропинка, продавленная в траве.

Лес ещё дремал. Он встретил нас немотой и стерильной свежестью воздуха. Меж деревьев уже исчез весенне-летний промельк птиц, и кое-где осел на землю светлыми плешинами у приствольев жёлтый лист. Но в чащобе ещё густились тени. Стручки опят, буйно теснясь, обвязали колоды и пеньки сказочными боровичками в каштановых шляпках. А в самом низу, если спуститься на донышко лога, по-детски лепечет говором предков кристальный ручёк. Вышли на поляну – лесное окошко, и есаул ахнул: по травяной зелени будто кто густо рассыпал печенье.

Уезжать не хотелось. И я представил то блаженство, когда в зимнее заснежье осядет с неба на усадьбу немая темень беспросветной ночи. Представил, как в сказочном тереме, отрешившись от всего мира, одни на весь замкнутый лес будут умиротворённо покоиться в абсолютной тишине две породнённые жизнью души, выковавшие усилием воли своё счастье собственными руками. И только предельное воображение сможет представить совсем рядом, под плотным покровом заносов, усмирённо-замедленный ритм тысячи тысяч пчелиных сердец. . .

Когда мы вернулись на пчельню, мелкой ситцей просыпалась моросейка дождя, и липучая от мёда детвора в невероятном возбуждении с диким визгом ринулась к двери автобуса.

Тем временем Вера Петровна поставила самовар с краснеющими на поду углями.

Тихон Васильевич читал по памяти отрывок из моей поэмы в прозе “Медвяный звон”:

– “Червь точит лист. Червя берёт птица. Птицу выслеживает зверь”...

Мурлычет, закипая, самовар. Томится под матрёшкой заварной чайничек.

– “Пчела не трогает листа. Не подтачивает корни. Цветок не трогает. Она оставляет природу живой. Берёт то, что ни на что больше не идёт. И, беря себе пищу у полевых цветов, не уничтожает жизнь, а плодит её!”

Вера Петровна осторожно, чтоб не стукнуть, расставила чашки.

Разнесла розетки с мёдом.

– “Природа создала чудо: любовь и цветы. Нектар – это любовь цветов. В нём скрыта молодость жизни. И пчела берёт любовь цветов и несёт человеку!”

Когда мы отехали, высоко в чистом небе вознеслась в заоблачных далях огромной дугой радуга, сходная семицветьем с огнями салюта.

Мы вышли из машины. Одним концом радуга-дуга оперлась, найдя земную твердь, где-то у Звонницы, на Танковом поле, другим – у Засечной, на пасеке, соединив, казалось бы, несовместимые поля. И хотя это была иная дуга, нежели та, что распрямилась в давнем лихолетье чёрными огнями разрывов, она свела Третье поле с Четвёртым.

Беда наша – от короткой памяти. Если человек держит в голове Куликово поле, Бородинское и Прохоровское поле, он держит и поле, на котором стоит. Теперь у каждого своё поле. Четвёртое. Это твоя Засечная черта.